

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

О. РОВИНСКИЙ и Н. ДМИТРИЕВ

БИТВА ПРИ ГАНГУТЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939

О. РОВИНСКИЙ и Н. ДМИТРИЕВ

P 588

БИТВА ПРИ ГАНГУТЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

**Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград**

34259

1967-88 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСКАЯ

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ВЕРФЬ

Российский парусный и галерный флот готовился к трудному походу против шведов.

Собираясь в поход, Петр I просил морскую коллегия повысить его в чине, дать ему звание вице-адмирала. По морской службе он числился контр-адмиралом Петром Михайловым.

Накануне отплытия в поход Петр решил зайти в Адмиралтейство¹ и узнать, есть ли ответ на его прошение.

Через обширное поле он вышел к берегу Невы посмотреть, прошел ли лед.

Весна была поздняя. Море только что освободилось ото льда. По реке плыли последние льдины.

«Пора, пора выступать», подумал Петр и зашагал от реки в обход канала. От города к Адмиралтейству он прошел по аллее — «Невской перспективе», которая тянулась мимо роц и лужаек. В конце аллеи блестел золоченый шпиль на башне Адмиралтейства.

Огромное здание морского управления окружал крепостной вал с установленными на нем пушками. Вал был

¹ Адмиралтейство — морское управление.

устроен на случай нападения шведов. Не раз уже они пытались проникнуть с моря по реке Неве к самому Петербургу.

Петр подошел к подъемному мосту через ров. Часовой посторонился, и Петр прошел в адмиралтейские ворота.

Позади здания Адмиралтейства была верфь¹. Там сновали плотники, стучали топоры. На судах шипела смола, гремело железо. Заново конопатили и просмаливали все швы парусных трехмачтовых судов — фрегатов — и больших весельных лодок — галер.

Петр быстро оглядел всю верфь и нахмурился. Последняя галера, которая уже должна была быть спущена на воду, стояла еще на лесах. Плотники только начали убирать подпорки и мазать жиром киль. Но, очевидно приустав, сели на бревнах и тихо переговаривались.

Один из них, медленно жуя хлеб, говорил:

— Ныне опять к воинскому действию корабли готовим... А для чего эта война — неведомо. Одна от нее людская пагуба.

— Ой, накличешь ты, Сидорка, беду на свою голову, — сказал пожилой плотник.

— Чего накличешь? Истину говорю.

Петр, увидев сидевших, подошел к ним.

— Пошто ленитесь? Работать надо.

— Мы работаем, — сказал, ухмыляясь, парень, жевавший хлеб. — А ты, милый человек, гуляешь. Помог бы. Вишь, тяжесть-то какова!

Петр молча снял зеленый камзол и, подойдя к галере, взял топор.

Плотники, переглянувшись, встали и принялись за работу.

Сильными ударами Петр выбивал подпорки. В каждом

¹ Верфь — место для постройки и ремонта морских и речных судов.

Петр I.

ударе его была ловкость и опыт. Парень глядел на него с уважением.

— Ишь, здоров ты, чорт,— сказал он. — Ловко бьешь. Али ты сам плотником был?

— Был,— ответил Петр, вышибая клинья. — Ну что, сдвинем лодку, что ли?

Плотники обступили галеру.

— Взяли — раз! Взяли — два! — раздались дружные голоса.

Понемногу галера села килем на густо смазанные жиром бревна. Остались только поперечные балки, которые удерживали ее с обеих сторон.

Петр обошел галеру кругом, прополз под мостками и внимательно последний раз осмотрел днище и киль.

— Ладное судно,— сказал он, вылезая из-под галеры и отряхивая с себя стружки. — А вот назвать его как?.. Тебя-то как звать, отец? — повернулся он к пожилому плотнику, который работал прилежнее других.

— Фока,— ответил тот.

— Ну, добро! Так судно и назовем.

— Ишь ты, назовем... Так тебе и дадут! А ты кто таков? — спросил плотник. — Как тебя кличут?

Петр усмехнулся.

— Звать меня Петром. — И, поглядев пристально на плотника, добавил: — А вот память у тебя коротка, отец. Забываешь знакомцев. Ведь мы с тобой в Воронеже работали, лодки строили.

Старый плотник остолбенел и упал в ноги царю.

— Батюшка, не погуби! Несмышленные мы! Стар я глазами стал...

Петр поднял его.

— Негоже, отец, в ногах валяться. Ну как? Стало быть, «Фокой» назовем? Пора спускать! Пусть это судно служит на благо отечества нашего! — и он махнул рукой.

Мастеровые, дернув за веревки, оттащили поперечные

балки, и галера, сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее, заскользила по полозьям. Бревна трещали и дымилась.

Галера слетела на воду, клюнула носом, подняв целое облако брызг, и, тотчас же выпрямившись, закачалась на волнах.

На берегу собралась толпа. Появление нового судна она встретила радостными криками.

Девяносто девятая галера вошла в строй русского гребного флота.

Поздравив плотников с окончанием работ, Петр направился в канцелярию Адмиралтейства.

По дороге он заглянул в большую кузницу, где выковывались якоря, блоки и железные крепления кораблей, прошел через комнаты Адмиралтейства, заваленные снастями и разным строительным лесом. Здесь жили и работали мастеровые. На стенах висели чертежи, и по ним делались детали судов. Сверив одну такую деталь с чертежом, Петр одобрительно крякнул и, подойдя к канцелярии, с силой толкнул дверь и переступил порог.

ШАУТБЕНАХТ¹ ПЕТР МИХАЙЛОВ

В Адмиралтействе было пусто и тихо. Шел седьмой час вечера. Сенаторы² давно разошлись по домам. И только за конторкой сидел секретарь, перебирая и переписывая бумаги. В тишине поскрипывало перо, как будто скреблась мышь.

— Где же сенаторы? — спросил Петр, постучав суковатой дубинкой об пол.

¹ Шаутбенахт (по-голландски) — «смотри ночью». Шаутбенахт — младший морской генерал; должен находиться на передовом корабле и бдительно смотреть вперед, особенно ночью.

² Сенаторы — члены сената, высшего государственного учреждения, созданного Петром I.

— Совещание окончено, — отвечал секретарь, не поднимая головы. — А что вам, сударь, надобно?

Петр подошел к конторке и сел на стул.

— А что сидишь, если совещание окончено? — спросил он, положив на стол дубинку.

Секретарь нахмурился. Он собирался резко ответить, но тут же раздумал и продолжал писать, попрежнему не глядя на посетителя.

Писарь этот был человек пожилой и стойкого нрава; на своем месте сидел давно и знал, как себя держать.

— Об этом говорить не должен, — сказал он, щелкнув пальцем по конторке, — это есть государственная тайна. Извольте отвечать. Что вам надо?

Петр набил трубку табаком, искоса разглядывая писца, и сказал примирительным тоном:

— Добро. Ну, а что решили по делу о повышении в чине контрадмирала Петра Михайлова?

— Решение есть, — сурово ответил секретарь, попрежнему не поднимая глаз. — Будет доведено до сведения контрадмирала.

— Я и есть контрадмирал, то есть шаутбенахт, — сказал Петр.

Секретарь наконец взглянул на Петра и узнал в нем государя, но не растерялся, а сделался еще более важным.

— Надлежит осведомляться днем, — сказал он. — Но поскольку, — тут он как бы смягчился и умерил тон, — по долгу службы вашей затруднительно приходиться в иное время, то я могу изложить вам решение.

Писарь начал торопливо перелистывать бумаги. Найдя нужную, он прочел, поглядывая на волосатые пальцы Петра, нервно постукивающие по столу:

«Сего 19 мая 1714 года адмиралтейств-коллегия, выслушав прошение шаутбенахта Петра Михайлова о повышении его в чине, положила таковую резолюцию:

Поскольку шаутбенахт Петр Михайлов заслуг не име-

Галера.

ет, за кои ему чин вице-адмирала надлежал бы, то в прошении ему отказать впредь до того срока, когда он чем-нибудь особенным отличится. Тогда ему и будет дан чин вице-адмирала».

По мере того как секретарь читал, лицо Петра багровело.

— То ли читаешь? — резко перебил он. — Дай-ка сюда приказ!

Секретарь вспыхнул и встал.

— Господин шаутбенахт, вам непригоже кричать так. Приказ есть дело государственное. Не волен я давать его кому бы то ни было...

Петр гневно сжал в руке дубинку.

— Как ты смел мне так сказать?!

Но секретарь отвечал решительно:

— Смею. По должности, которая приказывает сохранять порядок законов.

— Да ты с кем говоришь?!

— С шаутбенахтом российского флота.

— А знаешь ли ты, что за такую дерзость можешь голову потерять?!

Секретарь ответил дрогнувшим голосом:

— Знаю. Но негоже государю нарушать установления свои. Не страшусь сказать правды. Коли в законе сказано, чтобы не производить в чины без должных отличий, надо и государю соблюдать этот закон.

— Молчи! — закричал Петр; голова его задергалась. — Я вас...

И он выбежал из канцелярии, что-то бормоча и размахивая на ходу руками.

РУССКИЙ ФЛОТ

Петр I говорил:

«Всякое государство, которое одно сухопутное войско имеет, — одну руку имеет, которое и флот имеет, — обе руки имеет».

Россия до Петра не имела флота. Она была отрезана от морей.

Азовским, Каспийским и Черным морями завладели турки, а Балтийским — шведы.

С давних пор Россия стремилась к этим морям. Но борьба за поморье на суше без помощи флота не могла быть успешной.

Создателем русского флота был Петр I. С юных лет увлекался он плаванием в маленьком ботике и всю жизнь не покладая рук трудился над созданием отечественного морского флота.

Он сам на практике изучил трудную морскую науку, искусство кораблестроения и не сразу дошел до звания контр-адмирала.

В 1694 году Петр поехал в Архангельск, где строился

первый большой корабль «Павел». Корабль был уже готов. Осталось только вооружить его и оснастить.

Петр не любил терять времени даром и решил поучиться морскому делу у иностранцев. В порту стояло голландское военное судно. Капитан его был старый моряк. Петр пришел к нему и сказал:

— Я хочу на деле пройти всю флотскую службу.

— Это очень трудно, — ответил капитан.

Петр настаивал. Тогда капитан в шутку сказал:

— Если хочешь учиться с начала, то начинай с юнги.

— А что положено делать юнге?

— А вот что. Подай мне трубку. Убери в каюте. Чтобы потом уметь командовать другими, надо прежде научиться самому повиноваться.

Петр беспрекословно исполнил приказание.

— А теперь, — сказал капитан, — полезай на мачту, убери парус.

Петр проворно полез на мачту и хорошо сумел убрать парус.

С той поры он последовательно, не давая себе ни в чем поблажки, только по заслугам переходил из одного морского чина в другой, пока не стал контрадмиралом.

Одной из этих заслуг Петра перед родиной было взятие турецкой крепости Азова. Построив в Воронеже много судов, Петр поплыл по рекам к устью Дона. Про Азов говорили, что это ключ к выходу в Азовское и Черное моря. Отобрав у турок Азов, Петр пробился в южные моря и завел торговлю с богатыми странами Востока.

Но главной задачей Петра было возвращение России побережья Балтийского моря, которым прочно владела могущественная в то время Швеция. На невских берегах и в приморье шведы построили сильные крепости, захватили Финляндию и Карелию и не допускали русских к морю.

В 1700 году, заключив мир с Турцией, Петр начал войну со шведами. Попытка взять город Нарву окончилась неудачей. К шведам подоспела помощь, и русским войскам пришлось отступить.

Петр не унывал. Он создал новую армию по европейскому образцу и хорошо вооружил ее. На пушки он велел перелить даже церковные колокола.

В 1702 году Петр возобновил войну против шведов и завоевал сначала Ладожское и Чудское озера, а затем все нижнее течение Невы и побережье Финского залива. Скоро России были возвращены все ее старинные приморские владения. Для защиты отвоеванных земель Петр заложил в устье Невы крепость Петропавловск. А на подступах к устью выросла укрепленная гавань Кронштадт. Под прикрытием крепости на пустынных и болотистых берегах Невы, окутанных туманом, рос город Петербург.

При поддержке флота русские войска отобрали у шведов город Нарву. Главные силы шведов двинулись было на Россию через Украину. Но в бою под Полтавой 27 июня 1709 года Петр одержал над ними полную победу.

Шведская армия была разбита, но Швеция продолжала угрожать России своим сильным флотом со стороны Балтийского моря.

«Окно в Европу» с основанием Петербурга было прорублено. Но к окну нужны были и крепкие ставни. Чтобы упрочить положение России на балтийских берегах, Петр I захватил у шведов Ригу, Ревель, овладел ключом к Финляндии — городом Выборгом.

К осени 1713 года русские войска, взяв Гельсингфорс и Або, выгнали шведов почти из всей Финляндии. Но шведские корабли продолжали угрожать русским завоеваниям в Финляндии и не переставали безнаказанно крейсировать в Финском заливе и в устье Невы — перед самым Петербургом.

Петр решил положить конец этому. Он задумал поход на столицу Швеции — на Стокгольм.

Надо было снаряжать флот, который мог бы померяться силами со шведским, одним из самых мощных флотов в Европе.

В олонецких лесах застучали топоры. Лес сплавляли по рекам.

На верфях в Лодейном Поле, в Архангельске и в Петербурге строили военные корабли. В Голландии, Англии и Франции Петр закупал готовые фрегаты, галеры, нанимал опытных матросов и шкиперов.

По всей России собирали моряков. Несколько полков пехоты, побывавших раньше на море, записали в морскую рать.

В ПОХОД!

Со стены Петропавловской крепости раздался залп. Белое облачко оторвалось от берега и поплыло над водой. За ним другое, третье...

Это был салют российскому флоту, уходившему в далекий поход.

Флот состоял из двух частей: флотилии, то есть весельных галер, перевозивших десант пехоты в Швецию, и эскадры военных парусных кораблей.

Было 20 мая 1714 года.

Протяжно трубил рог, и гремели барабаны.

Длинные весла галер пенили воду, расталкивая мелкие остатки льда.

На галерах плыла пехота, состоявшая сплошь из едва обученных солдат-новичков. Поход морем казался им чем-то новым, необычайным.

На передней галере развевался синий флаг с белыми полосами.

Командир флотилии генерал-адмирал Апраксин стоял на носу галеры и глядел в подзорную трубу. Впереди

лежал трудный, полный опасностей морской путь. Апраксина мучили сомнения:

«Славу иль гибель сулит этот рискованный поход в неведомых местах? Как покажет себя в морском бою пехота?»

Весла равномерно вздымались и падали на воду. Девяносто девять галер плыли по пять в каждом звене. Сзади следовали транспортные суда, груженные провиантом для русских войск, стоявших в Финляндии.

Слева от галер, сверкая белыми холстяными парусами, плыла эскадра кораблей. Она должна была оберегать лодки с десантным войском от нападений врагов с моря.

Впереди парусных кораблей шла «Полтава» — тридцатипушечный фрегат, на котором находился командующий эскадрой контрадмирал Петр Михайлов.

Ветер был попутный. Берег быстро отдалялся. Вот он исчез совсем. Грозно шумело море, и в нем тонуло солнце. Темнело. Наступала ночь.

ПУТЬ ПРЕГРАЖДЕН

Финский берег за Выборгом изрезан шхерами¹. Море здесь мелководно и изобилует островками, подводными скалами и мелями. Большие шведские корабли не могли войти в шхеры, и галеры могли плыть вперед безопасно.

Поэтому за Выборгом Петр со своими десятью парусными кораблями оставил галерную флотилию и отправился для пополнения своей эскадры в Ревель. В этом портовом городе он должен был встретить два двухмачтовых судна — брига, построенных в Архангельске, и пять фрегатов, купленных у англичан.

¹ Шхеры — морское побережье, густо усеянное островками, с узкими проливами между ними.

Галеры продолжали идти вдоль финского берега.

В Гельсингфорсе Апраксин выгрузил провиант, отослал транспортные суда обратно и поплыл дальше. В следующей гавани сдали еще часть провианта и приняли на галеры пехоту.

Незнакомый путь и мелководье сильно затрудняли движение. Приходилось плыть среди множества мелких и скалистых островков. Недостаточно проворные галеры легко могли разбиться о подводные камни или сесть на мель.

Показаться в открытом море было опасно: шведы стерегли его.

Шел уже второй месяц плавания.

На заре 27 июня вдали показалась задернутая дымкой длинная коса. Это был мыс Гангут. Здесь кончался Финский залив и начиналось Балтийское море. Гангутский мыс глубоко выдается в море. За ним — прямой и удобный путь к Або и Аландским островам.

Чем ближе к полуострову, тем шхеры все мельче и запутанней. Продвигаться галерам становилось все труднее и труднее.

Генерал-адмирал Апраксин послал в разведку капитана-командора Змаевича.

На мелкой гребной лодке Змаевич доплыл до самого Гангута и там увидел силуэты кораблей. Они стояли как раз против мыса. Не было сомнения, что это шведский флот. Как он велик, трудно было узнать. Пользуясь темнотой, лодка Змаевича ушла обратно незамеченной.

Русские стали ждать утра.

Когда туман рассеялся, передовые сторожевые посты ясно увидели против мыса большие корабли. Их было двадцать восемь.

По другую сторону полуострова лежали Аландские острова. К этим островам надо было попасть. Шведы стали поперек дороги. Дальнейший путь был прегражден.

Оглядев расположение шведских кораблей, Апраксин

Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

понял, что обогнуть мыс Гангут нельзя. Весь шведский военный флот мог обрушиться на русские галеры и потопить их.

Апраксин решил остановить свою флотилию в шхерах.

Выбрав удобное место стоянки возле местечка Твермине, он послал к Петру в Ревель на шлюпке гонца с донесением о том, что шведы закрыли выход в Балтийское море.

КАПИТАН ВИЛЬЯМ БРЕДАЛЬ

Русский бриг «Павел» под командой норвежца Вильяма Бредаля плавал дозорным кораблем в Ревельском заливе, охраняя гавань от неожиданного нападения шведов.

Море было пустынно. Горизонт был затянут туманом. Внезапно матрос, наблюдавший с самой высокой мачты, закричал:

— Корабль!

— Где? — спросил Бредаль.

— На зюйд-весте¹, капитан-командор.

Бредаль приказал приспустить паруса. Судно пошло тише.

Капитан внимательно смотрел в подзорную трубу.

На горизонте росли белые пятна парусов. Скоро отчетливо стали видны шесть фрегатов. Они шли строем на небольшом расстоянии друг от друга. По оснастке видно было, что это военные суда.

Вот они повернули. На мачте крайнего фрегата развевался вымпел² — лев на голубом поле.

Эскадра шла под английским флагом, держа курс на Ревель.

¹ Зюйд-вест — юго-запад.

² Вымпел — узкий, длинный, раздвоенный на конце флаг.

Бредаль недоумевал. Никаких известий о приходе своего флота в Ревель англичане не сообщали.

— Поднять флаг! — приказал он.

Над бригам взвился белый флаг с перекрестными синими полосами.

Чужеземные корабли быстро приближались. Уже можно было разглядеть широкие жерла пушек, смотревшие с бортов.

— Спросить, кто и зачем идут! — скомандовал капитан.

Русский бриг поднял сигнальные флаги.

Фрегаты не отвечали.

Бредаль позвал своего помощника, старого моряка.

— Кто бы это мог быть?

— Не знаю, — отвечал моряк, внимательно рассматривая приближающиеся корабли. — Флаг английский, а, судя по корпусу, не похоже на англичан. Я английские суда знаю, плавал на них. Кажется мне, что это недоброе пиратское переодевание.

Фрегаты подошли на расстояние пушечного выстрела. Один из них отделился и немного вышел вперед.

Неожиданно он выбросил белое облако. Недалеко от брига в воду шлепнулось ядро. Стало ясно, что это шведские корабли, замаскировавшиеся английским флагом.

— Ответить левым бортом! — приказал Бредаль.

Бомбардиры бросились к орудиям. Бриг повернулся к противнику левым бортом, и раздался грохот выстрелов.

Одно ядро ударило в переднюю мачту чужеземного фрегата и, переломив ее пополам, подняло фонтан воды у самого борта.

Вражеские фрегаты открыли стрельбу из десятков пушек.

Эскадра строилась в боевую линию.

Бредаль дал сигнал повернуть назад. Бриг поднял все

паруса и, зарываясь носом в волны, стал уходить от неприятеля.

У острова Нарг фрегаты прекратили погоню.

Бриг пошел, держа курс на гавань. Придя в Ревель, капитан Бредадь тотчас же отправился с донесением к Петру.

ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

Шаутбенахт Петр Михайлов испытывал в Ревельской гавани только что купленный парусный бот.

Он сам управлял парусами. На руле сидел розовощекий Павел Ягужинский, дипломат и генерал-лейтенант.

Бот, подгоняемый ветром, летел вдоль мола, послушно поворачивался, повинуюсь парусам, ловко лавировал, словно избегая подводных скал, и наконец, опустив паруса, пошел к берегу.

Матрос, стоявший на пристани, поймал конец веревки, брошенный Петром, и обкрутил вокруг причального столба.

Петр вылез из бота и увидел в группе поджидавших его людей капитана Бредаля.

— А, кум! — закричал он. — Ну как? Хорош бот? Видел, как лавирует?

— Не плох, — отвечал Бредадь, пожимая протянутую мозолистую руку. — Бойкий на ходу. Маневренные свойства имеет.

— Значит, для службы гож будет! — просиял Петр. — Ну, добро! Какие, кум, у тебя вести?

— Шведы пришли к Ревелю. Еле ушел от них.

— Шведы? — переспросил Петр. Левая половина лица его нервно задергалась. — Где они?

— У острова Нарг. Шесть фрегатов. Боя ищут.

— Идем на корабль.

Добравшись до флагманского фрегата «Полтава», Петр приказал готовиться к выходу в море.

Но отпущенных на берег матросов не удалось сразу собрать. Их долго разыскивали по городу.

Только к утру эскадра вышла из Ревельского залива в открытое море, держа курс к острову Нарг.

Шведы, увидев русских, на всех парусах пошли навстречу. Капитан Бредадь на бриге «Павел» двинулся прямо на неприятеля. Сзади него шла «Полтава».

Петр зорко следил за движением шведских кораблей. Вот один из них окутался дымом, дрогнул воздух, и первая бомба грузно шлепнулась возле головного русского брига. Бредадь дал ответный выстрел.

Шведы остановились и вдруг... начали удаляться.

Русские корабли, прибавив парусов, пустились в погоню. Но место для преследования было неудобное. Море у острова Нарг изрезано мелями, фарватер¹ узкий, кораблям негде было развернуться и развить нужную скорость. Не было хороших лоцманов, знающих дорогу в этих опасных местах. Плыть приходилось медленно, с риском сесть на мель. А шведы уходили с необычайной быстротой в открытое море. Скоро они совсем скрылись за горизонтом.

Раздраженный неудачей, Петр приказал вернуться в порт. Корабли повернули обратно к Ревелю.

Здесь ждал гонец от генерал-адмирала Апраксина.

Петр принял от него пакет и спросил:

— Как звать?

— Капитан Змаевич.

— Где чин сыскал?

— В баталии под Азовом.

— Ага! Помню. Ну, садись. Посмотрим, чем нас по-радует генерал-адмирал.

Петр, разорвав пакет, быстро пробежал глазами по-

¹ Фарватер — проход для судов между отмелями.

Карта побережья Финляндии.

слание. Апраксин сообщал о своем положении и просил отвлечь шведов от Гангута, произвести диверсию (маневр) корабельным флотом.

«А без того, — писал он, — бог весть, можем ли пройти к Або; неприятель стоит в голем море, где миновать его нельзя».

Петр скомкал бумагу и шагнул к посланцу.

— Доколе же не успевать будем, а? — хрипло спросил он, зажав в кулаке рапорт.

Змаевич, побледнев, ответил:

— Пройти никак нельзя. Шведы на кораблях у самого мыса поперек пути стоят.

Петр поглядел на него и сказал:

— К вечеру соберем совет. Ну, ступай пока.

Вечером на «Полтаве» в кают-компании собрались на совет все капитаны.

Подвешенный к потолку светильник качался в табачном дыму и чадил. На столе лежала разостланная карта. Бредадь проверял по ней ход галерного флота. Змаевич отвечал на вопросы и разъяснял:

— Мыс Гангут шхерами не прикрыт. Пройти мимо нельзя: корабли шведов скорей наших ходят.

— А много ль их? — спросил Бредадь.

— Да, почитай, весь их флот стоит. Вот почему генерал-адмирал Апраксин мысль имеет: устроить в Твермине склад провианта и, укрепив гавань, зимовать, пока шведы сами, испугавшись льда, не уйдут.

Петр слушал внимательно, потом потребовал, чтобы каждый высказался.

Мнения разделились. Одни предлагали всей эскадрой, стоявшей в Ревеле, итти на неприятеля и отогнать его от Гангута. Другие, более осторожные, возражали, говоря, что корабли к такому походу еще не готовы, и советовали разведать на месте, а в крайнем случае вернуть галеры обратно.

— Числом корабельным, — сказал бригадир Петр Лефорт, — шведы много сильнее. У нас здесь только два фрегата надежных, а прочие — покупные — плохие ходоки. И, стало быть, если подойти близко к неприятелю, то нельзя будет в случае беды отступить, а показаться только издали — один смех.

Петр утвердительно кивнул головой и добавил:

— При этом и лоцманов нет провести корабли по незнакомым местам.

Рисковать с небольшой эскадрой всем казалось опасным. Совет ничего определенного не решил.

Наутро Петр вызвал Бредаля.

— Кум, — сказал он, — генерал-адмирал без нас дела не решит. И нам, не видя своими глазами, решать нельзя. Галеры наши в опасности. И поэтому я думаю к ним ехать. И тебя беру. Готовь «Принцессу».

К вечеру бригантина «Принцесса» покинула Ревель.

Шведский трехмачтовый фрегат.

Отъезд Петра приказано было держать в большом секрете. О цели и маршруте его поездки никто ничего достоверного не знал.

Шведская эскадра, ходившая к Ревелю, вернулась к мысу Гангут, к стоянке своего флота.

Вице-адмирал Лилли отправился с докладом на адмиральский бриг «Бремен».

Адмирал Ватранг радостно встретил своего помощника.

— Каковы успехи? — спросил он.

— Разведка прошла удачно, — ответил Лилли, глядя в сторону. — Нам удалось выяснить, что русские суда

хуже наших, тяжелы и по морю ходят, как слепые. Мы встретили сторожевое судно...

— Почему же вы не захватили его?

— Нас узнали, хоть мы и шли под английским флагом; судно спаслось в гавань. Русские корабли вышли нам навстречу в столь большом числе, что принять бой нельзя было, и я счел разумным отступить.

— Так вы думаете, что русская эскадра не в состоянии будет помочь своим галерам? — спросил Ватранг после небольшого раздумья.

— Я твердо убежден в этом, — сказал Лилли.

Ватранг взглянул на карту, где флажками была отмечена стоянка русских галер.

— Это сулит нам немалый успех, — пробормотал он. — Разгромим лодчонки, а к осени пойдем на Ревель и Петербург. Не так ли?

Лилли утвердительно кивнул головой.

— Будем ждать русских здесь, у мыса Гангут, — закончил Ватранг.

Лилли откланялся и ушел.

В ШТОРМ

Бригантина «Принцесса» плыла по Финскому заливу. Густые облака неслись над морем, предвещая шторм. Ветер крепчал. К вечеру разыгралась буря.

Матроса, крепившего паруса на мачте, ветром сбросило в море. Оторвавшаяся рея при падении порвала снасти. Огромные волны перекатывались через палубу, грозя ежеминутно смыть матросов в море.

Команду бригантинны охватил ужас. Наступившая ночь увеличила смятение. Ударом волны оторвало пушку, и она с грохотом покатила по палубе, ломая все на пути.

В трюме открылась течь. Петр, сбросив камзол, помо-

гал матросам конопатить щель, в которую била вода. Вода протекла к песку, заменявшему балласт, и на дне трюма образовалось болото. Работали изо всех сил, по колению в жидкой грязи. При крутых кренах судна бочки с пресной водой, сухарями и солониной катались по трюму, сбивая людей с ног... Едва успели остановить течь, как открылись новые две.

На палубу нельзя было показаться.

Налетевшей волной смыло рулевого и обломило руль.

Судно потеряло управление. Буря уносила его в море. Людьями овладело отчаяние...

Около полуночи ветер внезапно начал спадать. Бригантина без снастей и мачты пошла тише. Куда ее уносило ветром, никто не знал.

Петр подозвал Бредаля.

— Надо на шлюпе точно разведать, где суша, — сказал он. — Люди устали. А в темноте и на скалу наскочить можем.

Норвежец безнадежно покачал головой.

— А кто пойдет на погибель верную? Море страшное. Надо обождать света...

— Эх ты, кум! — сердито сказал Петр. — От тебя ли это слышу? Что за моряк, если он воды боится! Я сам пойду. Давайте шлюп.

Бредаль стал его отговаривать:

— Негоже вам в рискованное дело лезть. Вы: лицо государственное...

Но Петр стоял на своем. По его приказу матросы отвязали шлюпку.

Ветер несколько стих, но море все еще было бурное, ночь темная. Бредаль хотел было ехать вместе с Петром, но тот сказал:

— А на кого корабль оставим? Не в пример аглицким обычаям, капитан последним уходить с корабля должен. Как суши достигну, жди огня да ставь паруса, что остались. Огонь маяком будет.

Вместе с пятью матросами, вызвавшимися ехать с ним, Петр сел в шлюпку. Мелькнув на гребне волны, она скоро исчезла в бушующей мгле.

Бригантина осталась далеко позади. Кругом выло и кипело свирепое море. Шлюпку кидало с волны на волну, как щепку. Холодная пена и брызги хлестали через борты. Гребцы промокли и окоченели. Они выбивались из сил.

Вдруг показалась черная полоска берега. Гребцы напрягали последние силы. Море у берега было особенно бурным. Лодку наполовину залило водой.

Наконец после долгой борьбы с волнами удалось достичь земли. Измученные гребцы вытащили на песок полуразбитую шлюпку.

Берег был покрыт низкорослым кустарником. Все шестеро торопливо начали собирать в темноте сучья. Петр, присев на корточки, вытащил из кожаного мешочка огниво. С трудом высек искру. Мокрые сучья медленно разгорались. Матросы подбрасывали в пламя хворост и дули на пламя. Столб огня и дыма высоко поднялся к небу.

Капитан Бредадь в это время не сходил с палубы бригантины. Он первый заметил далекий огонек и громко стал созывать команду.

Матросы ободрились, увидя костер на берегу, и полезли на мачты крепить уцелевшие паруса.

Бригантина повернула на маячивший огонь. Через час она добралась до берега и бросила якорь. На берегу горело уже несколько костров.

Петр приказал команде съезжать на сушу. Он сам помогал перевозить на шлюпке усталых людей, устраивал их у костров на ночлег и поил горячим сбитнем.

Край неба медленно розовел, когда Петр, весь мокрый, лег у костра под деревом, покрывшись парусиной, и заснул. А встал он, когда солнце еще стояло низко. Разбудив матросов, он приказал чинить паруса.

К полудню бригантина поплыла вдоль берега и к вечеру достигла селения Паркола.

В Парколе Петр простился с Бредалем, пересел на мелкое гребное судно — скампавею — и поплыл, пробираясь между мелкими островками, к полуострову Гангут. Вместе с ним ехали Ягужинский и Змаевич.

20 июля ночью Петр добрался до бухты Твермине, стоянки галерной флотилии.

Возле деревни горели костры. Русский десант раскинулся лагерем, ожидая помощи.

Гости прошли к палатке Апраксина. Беседа их с генерал-адмиралом длилась почти до зари.

Рано утром Петр на лодке вместе с Апраксиным, Ягужинским и Змаевичем поплыл к мысу, чтобы самому осмотреть расположение и силы шведского флота. Он убедился, что миновать мыс Гангут без боя с превосходными силами врага действительно было нельзя.

Вернувшись с разведки, Петр приказал собрать совет.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ

К вечеру в палатке генерал-адмирала собрались на военный совет все командоры галерной флотилии.

Петр, закурив трубку, открыл совещание.

— Ну, любезные командоры и бомбардиры, шведы крепко стерегут нас. Одержав великие победы на суше, нельзя нам уступать им на море. Извольте давать советы, как без великого конфуза выйти из столь тяжелого положения.

Петр оглядел присутствующих. Но все молчали. Никто не решался что-нибудь сказать.

Положение казалось безвыходным. Что могут сделать галеры? Стоит им только выйти из шхер, как вражеские фрегаты и бриги пушечным огнем разнесут их в щепки.

Петр пыхнул дымом. Табачное облако поплыло над столом, как пушечный выстрел, возвещающий начало сражения.

— Так как же, любезные командоры? Федор Матвеевич! Тебе, видно, надо начинать совет.

Апраксин встал и оперся обеими ладонями на карту. Четыре круглощеких изображения ветра на ее полях дули в разные стороны.

Апраксин имел привычку говорить медленно, как бы с одышкой.

— Поскольку, — начал он, осторожно поглядывая на Петра, — неприятель стоит в открытом море, нам миновать его никак нельзя. А корабельным флотом помочь не велите, то...

Тут адмирал замолк, разглядывая карту.

Петр снова выпустил клубок табачного дыма. Дым проплыл над столом и закрыл от глаз адмирала морскую карту.

Апраксин слегка крикнул и, поглядев на государя, сказал:

— ...то, я полагаю, надобно ждать, пока у неприятеля не кончится пресная вода и он сам не уйдет.

Петр нахмурился.

— Добро, — глухо произнес он. — По-твоему, стало быть, нам сидеть тут и прятаться, как медведю от пса дворового? Павлуша, — обратился он к Ягужинскому, — при этих великих трудностях твой опыт дипломата много полезен. Что скажешь?

Последние слова Петра были резкие, свистящие. От них всем стало немного жутко.

Ягужинский прочел на лицах командоров смятение и улыбнулся.

Совет его был прост. Он предлагал поставить вдоль берега пушки и артиллерийским огнем отогнать шведские корабли от мыса Гангут. Но совет этот был трудно выполним и не сулил верной удачи. Все же это был

Генерал-лейтенант Павел Ягужинский.

какой-то выход из положения. Обиднее всего было то, что новый человек, даже не знакомый хорошо с обстановкой, первый догадался его предложить. И от этой обиды все зашумели.

Петр долго обдумывал, потом сказал:

— Добро. Вот первый резон. Ну как, бомбардиры?

— Я полагаю, — сказал Апраксин, — господину дипломату неясна здешняя местность. Места тут топкие. Негде ставить батареи. И в воинской науке подобных примеров не бывало. Пройти близ берега нам никак... — Тут он пожал плечами и отрицательно покачал головой, закончив тем свою мысль.

Лицо Петра передернулось. Это означало приближение гнева. Внезапно он вынул изо рта трубку и наклонился над картой. Он заметил, как с другого конца ее через узкий перешеек полуострова Гангут ползут и спорят два пальца.

Шаутбенахт поднял глаза и увидел, как капитан Змаевич и бригадир Волков нерешительно тычут на карте в полуостров.

Он прищурился.

— Ну, командоры, извольте говорить так, чтобы все слышали ваше мнение.

Тогда капитан Змаевич отважился.

— Господин шаутбенахт, — начал он, — вот тут, — он указал на перешеек, — севернее Твермине, близ мызы Лапвик, самое узкое место перешейка. Можно более легкие галеры наши перетащить посуху и спустить на воду по другую сторону Гангутского мыса, в заливе Рилакс-фиорд. Шведы ожидают, что мы пойдем вокруг мыса, а мы этим маневром сумеем их миновать и уйти. Я с бригадиром Волковым осматривал это место. Нам два здешних финна его указали. Оно удобно для перетаскивания галер волоком.

План был смелым, неожиданным. При удаче можно было всей галерной флотилии незаметно уйти шхерами,

которыми был укрыт дальше весь финский берег. Враг остался бы стоять у ловушки, покинутой русскими.

Услышав такое предложение, все как-то смолкли и повеселели. Только Апраксин весь набряк и покраснел. Он не любил смелых мыслей, опережавших его воинские познания. Но возражать не решился.

Петр посмотрел на Змаевича, лукаво усмехнулся и вдруг объявил решение:

— Капитаны и бомбардиры! Капитану-командору Змаевичу и бригадиру Волкову надлежит, не мешкая, осмотреть со мной место, пригодное для перетаскивания судов волоком. Военный совет отложим до вечера.

У ПЕРЕКАТА

Перешеек в северной части полуострова был низкий и песчаный. Дул резкий ветер.

Петр прошел от одного берега до другого, придерживая рукой треуголку и считая шаги. Два рыбака-финна, указавших это место, Змаевич и Волков шли за ним следом, проверяя счет. Вышло тысяча двести сажений.

Сев на камень, Петр долго смотрел на пустынный залив Рилакс-фиорд, потом оглянулся назад, в сторону бухты Твермине, и спросил спутников:

— Перетащим, а?

Бригадир Яков Волков утвердительно кивнул головой.

— А леса здесь хватит, — сказал он. — Настелим помост, сделаем катки — и всё.

— Дело держать надо в секрете, — сказал Змаевич.

— Для этого, — подхватил Петр, — велеть жителей деревни переписать поименно и сказать, чтоб никуда не уходили. Поставить караул. Особенно стражу поставить здесь, у места спуска галер... Смотреть прилежно, чтобы неприятель не мог знать, что у нас делают.

Петр взглянул еще раз на залив и, повернувшись, зашагал обратно.

Утром, чуть забрезжил свет, на лесистых островках и на полуострове ударили первые топоры. Следом, как дятлы, застучали сотни других.

Пехотинцы и моряки рубили лес. Треща, падали мачтовые сосны. Их тут же распиливали на бревна и обтесывали. Из бревен настилали дорожку, сооружали катки.

Работали не покладая рук. Петр Михайлов подавал всем пример. Он подрубал деревья, таскал бревна, ругался и шутил.

На скалах и вокруг деревни Твермине стояла стража, дозоры обходили побережье.

ШПИОН

Бледный лунный свет пробивался сквозь тучи. Тяжелые валы с грохотом набегали на берег.

Маленькая рыбацья лодка ныряла между волн. Ее захлестывала пена. Грести было тяжело.

Рыбак, сидевший в лодке, торопился.

Он изо всех сил налегал на весла, обливаясь потом.

Временами он оборачивался и глядел туда, где маячили черные тени шведских кораблей. Они росли и приближались.

Уже отчетливо были видны во мраке их громадные очертания. Лодка шла прямо на корабли. Облачная гряда наплыла и заволокла луну.

Вдруг из мглы вынырнула шлюпка, и чей-то голос закричал по-шведски:

— И-эй! Кто плывет?

— Свои! — закричал рыбак.

Лодка подплыла ближе. В ней сидели люди в треуголках, вооруженные ружьями.

Это была сторожевая шлюпка шведской эскадры.

Два багра протянулись к лодке и подтянули ее. Солдаты помогли рыбаку забраться в шлюпку.

Человек, закутанный в плащ, очевидно начальник, спросил:

— Куда плывешь?

— Я бежал от русских, — отвечал рыбак. — Есть важные вести для адмирала Ватранга. Пароль «Стокгольм».

— Говори, какие вести?

— Не могу. Известия секретные.

Шлюпка поплыла к эскадре. Скоро она причалила к адмиральскому кораблю.

Начальник сторожевой шлюпки отправился с донесением, и скоро рыбака ввели в каюту Ватранга.

Адмирал медленно приподнял седую голову и отрывисто спросил:

— Кто вы такой?

— Меня зовут Юстус Коппелиус.

Адмирал нахмурился.

— А, так это вы, герр Коппелиус! Что же побудило вас оставить свой пост при русском флоте?

— Важные обстоятельства, — отвечал шпион. — Из Ревеля к галерной эскадре прибыл тайно сам царь Петр. Хочет он галеры перетащить по суше через мыс и уйти к Або.

Ватранг привстал от изумления.

— Уйти? — повторил он. — Не может быть!..

— На мысе есть перешеек шириной не более двух миль, — продолжал Коппелиус. — Там он решил перетащить на катках все гребные суда и уже во многом успел... Сообщить о таком деле через других людей не было мне случая... Русские охраняют берег. Жители Твермине в большом страхе... Все переписаны, и никому нельзя выйти из дому. Я сам пробрался с великим трудом... Нужны, герр адмирал, срочные меры...

Ядро, разорвавшееся в кают-компании, показалось бы Ватрангу меньшей неожиданностью, чем это известие.

Он велел немедленно созвать всех командиров, рассказал им о положении и объявил, что решил разделить эскадру на три отряда.

Контрадмиралу Эреншильду Ватранг поручил направиться с двенадцатью кораблями к северному берегу полуострова Гангут и стать против места спуска русских галер на воду в заливе Рилакс-фиорд.

Другую часть своей эскадры под командой вице-адмирала Лилли он отправил к бухте Твермине в обход островов с востока. Этот отряд должен был отрезать галерам выход из шхер в сторону Гельсингфорса, если они попытаются, пользуясь береговым мелководьем, уйти.

А сам с наиболее сильными кораблями остался караулить русскую флотилию у мыса.

Утром 24 июля русские сторожевые посты неожиданно увидели в заливе Рилакс-фиорд шведские парусники. Это была эскадра контрадмирала Эреншильда.

О появлении шведов разведчики немедленно донесли генерал-адмиралу Апраксину.

Через несколько часов к переволоку вместе с Апраксиным приехал Петр.

Размахивая руками, он побежал вдоль берега.

Рыхлый генерал-адмирал с трудом поспевал за ним. Ноги его в тяжелых ботфортах вязли в песке, и он с завистью поглядывал на стоптанные башмаки государя.

— Федор Матвеич! — кричал Петр, указывая на паруса вражеских кораблей, стоявших как раз против устроенного для спуска галер помоста. — Шведы все наши дела знают. Доколе же это будет?

Гнев Петра был страшен, и отвести его можно было только добрым советом или молчанием. Доброго совета не нашлось, и потому генерал-адмирал молчал.

Петр поглядел на вражеские паруса и заметил, что эскадра была небольшая.

— Федор Матвееч, — сказал он, — шведы не все тут. Как мыслишь? Что здесь сокрыто?

Апраксин зашевелил губами, но ничего не произнес вслух.

— Так как же, адмирал? — продолжал Петр. — Надобно проведать, куда сей славный Ватранг попрятался...

Немедленно в разные концы полуострова были посланы разведчики. Сторожевые шлюпки проплыли вдоль мыса и вскоре донесли, что шведский флот, судя по расположению кораблей, разделился на три части.

Получив это известие, Петр созвал на совет генерал-адмирала Апраксина, дипломата Ягужинского, командора Змаевича и бригадира Волкова. Остальные воинские чины приглашены не были.

МАНЕВР ПЕТРА

К ночи ветер стих. Волны постепенно улеглись. Море заштилело, стало гладким.

Петр и капитан Змаевич после военного совета пошли проверить береговые посты. Совет не пришел ни к какому решению. Положение снова казалось безвыходным.

Петр шагал молча. Змаевич боялся заговорить с ним.

В конце мыса возвышается мшистый камень. С этого камня далеко видно море. На нем находился сторожевой пост, следивший за шведской эскадрой, которая стояла против мыса. Глядя, как дробились, отражаясь в воде, огни кораблей, часовые тихо переговаривались между собой.

Петр и его спутник шли по песчаной отмели. Шуршание воды, набегавшей на берег, заглушало их шаги. До острого слуха Петра донеслись слова:

— Да, трудненько пришлось. Кажись, и не выберемся отсюда.

Русские солдаты при Петре I.

Петр остановился и прислушался.

— И помост вот понапрасну строили, — слышался другой голос. — Кругом теперь шведы.

Правая рука Петра судорожно дернулась. Он бросился к говорящим, спотыкаясь и размахивая дубинкой. Узнав царя, часовые хотели бежать. Но Петр, выпустив дубинку, крепко схватил обоих за шиворот и притянул к себе.

Солдаты, дрожа всем телом, опустились на землю. Петр сел рядом.

— Нешто не выберемся? — отрывисто проговорил он после некоторого раздумья. — Шведы нас со стороны Гельсингфорса закрывают, пережат обошли и здесь торчат... Так ли уж все ходы пересекли? — спросил Петр, как бы обращаясь к часовым.

Все молчали. Тяжело дыша, он долго смотрел на залитую лунным светом поверхность моря.

— Ну как? Неужто и вправду нет выхода? — вдруг опять спросил он.

— Морем бы уйти. Ныне для сего погода удобная, — робко сказал солдат помоложе.

Другой, постарше, видимо матрос, возразил:

— Моряку хоть бы ее и вовсе не было. Ветра-то нет. Чем паруса надуешь?

— Вот в чем все и дело, — вздохнул Змаевич и хмуро взглянул на серебристую рябь.

Петр закурил трубку и засмеялся. Неожиданная мысль пришла ему в голову.

— Морем, говоришь? — обратился он к молодому солдату. — Только не уйти, а морем на веслах шведов обойти... Вот что! Чай, их пушки до нас не достанут.

— Так ихние же корабли все наши лодки перехватят, — усомнился матрос.

Петр усмехнулся.

— Как же перехватят? Сам же ты говорил, что ныне парусам работы нет.

Матрос смущенно пробормотал:

— Это верно. Не перехватят...

— Добро, Петр Алексеич, — подхватил Змаевич. — Попытаем счастья.

— Попытаем! — в один голос подхватили часовые, и оба весело поглядели на Петра.

— Будете хорошо служить — не мне, а боле себе и отечеству добро сделаете, — сказал он и быстро зашагал по берегу обратно к Твермине.

Ночь прошла в приготовлениях.

Рано утром 26 июля двадцать легких скампавей под командой Змаевича и Волкова двинулись морем в обход небольшой шведской эскадры, стоявшей у самого мыса Гангут.

Лодки быстро проскочили мимо эскадры вице-адмирала Лилли, стоявшей против бухты Твермине и ожидавшей ветра, и вышли в открытое море, в обход кораблей Ватранга.

Шведы с изумлением смотрели им вслед.

Петр стоял на высоком камне и наблюдал, как поднимались и опускались весла уходивших в море лодок.

Видя удачу, он отправил вслед за Змаевичем пятнадцать более тяжелых на ходу галер.

Ватранг приказал поднять паруса на своих кораблях.

Матросы полезли на мачты отвязывать паруса. Шведские корабли в одно мгновение покрылись белым опереньем. Но ветра не было. Поднятые холстяные полотнища беспомощно висели на мачтах.

Шведский адмирал следил с корабля в подзорную трубу за движением русских лодок и топал ногами от ярости.

А галеры тем временем уже огибали мыс. Гнаться за ними было невозможно.

Ватранг приказал стрелять из пушек. Но ядра шлепались в воду и не долетали до галер. Русские лодки благополучно уходили от обстрела.

Путь русских галер и расположение шведских кораблей 26 июля.

Шведские офицеры боялись взглянуть на искаженное гневом лицо адмирала.

Коппелиус спрятался в трюме, среди бочек, не решаясь показаться на палубе. Ватранг велел его отыскать, и матросы вытащили шпиона из трюма.

— Герр Юстус, — закричал Ватранг, указывая на лодки, уплывавшие за мыс, — глядите! Вот что значит оставлять не во-время свой пост... Если бы вы были там, мы всё бы знали заранее. Берегитесь, герр Юстус! Если мы не поймаем московитов, вам придется висеть на рее... Ступайте!

Коппелиус, бледный, шатаясь, побрел обратно в трюм.

Ватранг приказал вернуть эскадру Лилли, стоявшую у бухты Твермине.

Рассчитывая, что остальные русские галеры пойдут тем же путем, он отдал распоряжение кораблям отойти

от берега в море и растянуть эскадру по Финскому заливу.

Но русские больше не показывались.

К вечеру засвежело, потянул ветер, и адмирал успокоился.

Стало ясно, что русские теперь не обойдут открытым морем на веслах далеко растянувшийся шведский флот. А если рискнут, то пушки разгромят их.

ВРАГ В ЛОВУШКЕ

Сумерки быстро сгущались над морем.

В бухте Твермине шла торопливая работа. Петр на шлюпке объезжал суда и готовил их к новому маневру. Он решил воспользоваться оплошностью шведского адмирала.

Ватранг, растянув суда поперек Финского залива, отделился от полуострова. Теперь остальная часть русского галерного флота могла обогнуть мыс, пройдя у самого берега.

По приказу Змаевича два лоцмана торопливо мерили лотом¹ глубину моря у берега. Везде было мелко, но лодки могли пройти свободно.

Наступила ночь. Петр отдал приказание выступать. В полной тишине одна за другой плыли галеры. Чуть слышно скрипели в уключинах весла, обмотанные тряпками. Тихо плескалась вода. Команда подавалась вполголоса.

На полуострове возле Твермине всю ночь горели костры, и никто не мог бы догадаться, что там, где была стоянка русской флотилии, осталась одна лишь стража, которая поддерживала огонь.

Дозорные корабли, высланные Ватрангом, были обма-

¹ Лот — прибор для измерения глубины моря.

Путь русских галер и расположение шведских кораблей 27 июля.

нуты этими огнями и донесли, что русские не собираются покидать бухты. Адмирал уснул спокойно.

Рано утром его разбудил крик:

— Русские, русские!

Это кричал вестовой.

Адмирал выскочил на палубу.

Над морем рассеивался холодный утренний туман. В подзорную трубу было видно, как русские галеры одна за другой огибали мыс, держась около самого берега.

Ватранг потерял всякое самообладание. Он был вне себя. Его, опытного моряка, русский шаутбенахт провел, как мальчишку. Это была слишком большая обида для шведского адмирала. Он задышался от бешенства. Хриплым голосом он приказал поднять паруса. Однако слабый ветер шевелил их, но не надувал.

Тогда Ватранг решил принять крайние меры. Он

велел спустить шлюпки и боты, привязать к ним причалами корабли и подтянуть к берегу.

Закипела работа. Матросы спускали лодки на воду, привязывали и крепили корабельные причалы.

Боты и шлюпки на веслах потянули фрегаты и бриги к берегу. Чтобы задержать галеры, шведы открыли частую пальбу из пушек, но ядра до цели не долетали.

Русские лодки одна за другой скрывались за мысом.

Наконец трем фрегатам удалось подойти к ним на пушечный выстрел. Мыс уже огибали последние суда русской флотилии.

Шведы палили изо всех сил. Но из-за суматохи не могли пристреляться. Только один снаряд случайно разорвался над галерой, и его осколками ранило русского капитана.

Галеры стали плотнее жаться к берегу. Одна из них села на мель и отстала. Команда пыталась было высадиться на берег, но неудачно. Подошедшие шведские боты атаковали лодку и после отчаянного боя захватили часть русских пехотинцев в плен.

Победа эта была слишком ничтожной.

Весь русский гребной флот благополучно обогнул мыс. Задержать его не удалось, и это грозило бедой.

Контрадмирал Эреншильд со своими двенадцатью судами в это время поджидал русских у переката, в заливе Рилакс-фиорд.

На полуострове все как будто шло попрежнему: днем двигались люди, стучали топоры, а ночью горели костры.

Эреншильд послал к берегу два разведочных бота. Они были обстреляны русской стражей и вернулись.

Адмирал смотрел на берег, ожидая, что вот-вот русские потащат по помосту свои галеры, и тогда он их захватит. Но галеры тем временем уже плыли вдоль берега, огибая маленькие островки. Они еще не были

видны в заливе, и Эреншильд не знал, что он сам заперт в Рилакс-фиорде, как мышь в мышеловке.

Ватранг же сразу понял опасность, нависшую над эскадрой Эреншильда. Он приказал привести к себе Коппелиуса. Матросы с трудом разыскали шпиона в темном углу трюма. Он дрожал от страха и едва держался на ногах.

— Герр Юстус, — сказал адмирал, — вот вам возможность искупить свою вину. Садитесь скорее в шлюпку и плывите в залив Рилакс. Вы должны опередить русских и известить Эреншильда, чтобы он немедленно пробивался в море. Скажите, что я иду к нему навстречу.

Коппелиус согнулся, как бы кланяясь. Зубы его стучали. Он не мог разжать рта. Ему предстояли новые опасности. Матросы уже отвязывали шлюпку. Он подошел к трапу и медленно стал спускаться.

Шлюпка отчалила от брига «Бремен» и пошла морем за галерами. Потом она повернула на север и вошла в шхеры островков против Гангута.

Боясь попасться на глаза сторожевым русским постам, Коппелиус старался держаться как можно дальше от полуострова.

Так он достиг Земли Падва. Дальше плыть было нельзя: весь проход был закрыт галерами.

Коппелиус пристал к берегу, бросил шлюпку и пошел пешком. Он отыскал рыбаков и уговорил довести его до кораблей Эреншильда, стоявших в середине бухты.

Прорвавшись по другую сторону полуострова, Петр приказал остановить скампавен и галеры у входа в залив Рилакс.

— Шведы думали нас в плен забрать, — сказал он Апраксину, — а глядишь, и сами в плену будут. Одного боюсь — как бы Ватранг не подоспел. Надобно их эс-

кадру к сдаче принудить или на абордаж¹ взять... Павлуша, — обратился он к Ягужинскому, — ты ловок в переговорах. Поезжай к Эреншильду и скажи, чтоб без баталии, сам сдавался. А не то, пороху понапрасну не тратя, сойдясь борт о борт, мы без церемонии к нему на суда пожаловать можем. Надо ехать немедленно. Ватранг, того и гляди, к нам на спину сядет, и тогда худо будет. Ступай.

Через несколько минут от галер отделилась шлюпка и поплыла в глубь залива, к шведской эскадре.

В ЗАЛИВЕ РИЛАКС-ФИОРД

27 июля, едва туман поднялся с воды, марсовый флагманского фрегата увидел первые галеры, подходившие к заливу. Об этом доложили Эреншильду. Он сначала не поверил. Появление русских с моря показалось ему необъяснимым чудом.

Схватив подзорную трубу, он сам полез на мачту и долго рассматривал плывущие лодки. Он подумал, что Ватранг разбит, и ждал появления больших русских кораблей. Но их не было.

Из-за островков густым строем шли одни галеры, заполняя выходы в море. Число их все увеличивалось.

«Если русские разбили Ватранга, — размышлял Эреншильд, — то тогда бы впереди шли боевые корабли. Не могли же лодчонки быть авангардом флота. Несомненно, это были те гребные суда, которые он подкарауливал у переправы. Но как они могли пройти мимо кораблей адмирала?»

Галеры уже толпились у входа в залив.

Эреншильд слез с мачты и приказал собрать судовых командиров.

¹ Взять на абордаж — сцепиться с вражеским судном для рукопашной битвы.

Когда они прибыли на фрегат «Элефант» («Слон»), он сказал им:

— Русские прорвались мимо нашего флота. Это непонятно. Мы отрезаны от своих главных сил. А может быть, Ватранг уже разбит? Как вы думаете?

Начались горячие споры и догадки. Одни говорили, что русские перетащили галеры в ином месте полуострова. Другие утверждали, что русские прошли морем, воспользовавшись темнотой и мелководьем. Третьи высказывали предположение, что на море идет большой бой Ватранга с русскими кораблями, а галеры, пользуясь этим, обогнули мыс и загородили выход из бухты.

В разгар споров дежурный доложил, что на флагманский корабль прибыл на лодке какой-то рыбак с известиями от Ватранга.

Эреншильд велел немедленно привести его в кают-компанию, где происходило совещание.

Дверь распахнулась. Вошел Коппелиус. Все обернулись к нему.

— Какие вести привезли нам? — быстро спросил Эреншильд.

— Ветра-то все нет, — ответил Коппелиус. — Русские, пользуясь столь неудачной погодой и темнотой, обогнули мыс. Герр адмирал приказал сказать, что идет на помощь, и советует немедля пробиваться в море.

Эреншильд облегченно вздохнул.

— Я так и знал, — сказал он. — Русские храбры только на земле, они избегают открытого боя. Теперь...

Не успел он досказать своей мысли, как дверь в кают-компанию снова приоткрылась.

— Посол от русских, — шепнул дежурный офицер.

Эреншильд кивнул головой.

На пороге появился человек в военной форме. Это был генерал-лейтенант Павел Ягужинский.

Перед ним расступились.

— Герр шаутбенахт, — начал он, обращаясь к Эрен-

шилду, — счастье переменчиво и ныне склоняется на нашу сторону. Выход в море занят нашей флотилией. Наш контрадмирал не видит пользы в напрасном пролитии крови и предлагает вам безотлагательно сдать.

Эреншилд повернулся к Коппелиусу:

— Что он говорит? Переведите.

Ягужинский, увидев Коппелиуса, вскрикнул от удивления:

— Юстус Коппелиус?! Какими судьбами вы здесь?

Шпион не ответил. Опустив глаза, он начал переводить слова Ягужинского.

Юстус Коппелиус, немец из города Бремена, с юных лет имел склонность к доносному делу и посылался в разные земли для шпионажа. Он работал как шпион на стороне Силезии против шведского короля, потом на стороне шведского короля против Силезии и наконец попал в Петербург с тайным поручением извещать Швецию обо всем, что делается в России по морской и военной части. Чтобы проникнуть в военные круги, он однажды был представлен Павлу Ягужинскому, и любимец Петра устроил его на кораблестроительную верфь. В качестве корабельного мастера он отправился в поход с русскими судами. Ловкий немец все время пересылал в Швецию секретные сведения. Но об этом до последнего момента никто не знал и даже подумать не мог.

— Русский контрадмирал шутит, — сказал Эреншилд, выслушав перевод Коппелиуса. — Ему, по всей видимости, неизвестно, что во всех славных баталиях, которые на море бывали, доныне не было примера, когда б лодками большие корабли в плен брали. Переведите это послу.

Коппелиус начал было переводить, но Ягужинский перебил его:

— Юстус, что это значит? Ужели ты предатель и изменник?

— Я не изменник, — ответил Коппелиус, — я слуга шведского короля. И теперь вам все равно отсюда не выбраться.

— Врешь, гадина! — закричал Ягужинский. — Неведомо на какое счастье надеешься. Все равно все ваше войско в плен возьмем, а вам, сударь, всенепременно висеть на корабельной рее. Поведайте эти слова своему шаутбенахту.

Коппелиус нетвердым голосом перевел. Эреншильд сказал:

— Русские должны знать: мы не боимся угроз. Их галерам никогда не справиться с нашими кораблями. Один мой «Слон» раздавит их утлые лодчонки, как мух.

Шведы одобрительно захохотали.

Ягужинский, выслушав ответ, поклонился и вышел.

Парламентерская лодка¹ с белым флагом отплыла от эскадры. Эреншильд приказал готовиться к битве.

БИТВА

На фрегате «Элефант» взвился боевой флаг.

Шведские суда развернулись полукругом между тремя островками, прикрыв ими фланги и тыл. В центре стал фрегат. При такой позиции русские не могли иначе атаковать, как только в лоб.

Ягужинский вернулся и доложил Петру о неудачных переговорах и обо всем виденном у шведов. Петр тотчас же приказал быть готовыми к атаке тридцати пяти усиленно вооруженным галерам, а остальные держать в резерве на случай появления Ватранга с тыла.

Объезжая галеры, Петр говорил матросам и солдатам:

— Порадеем, друзья мои! Отечество от нас этого тре-

¹ Парламентерская лодка — лодка, везущая парламентаря, то есть человека, посланного для переговоров с неприятелем.

бует. Мы боролись на суше. Крепости строили, а землю в полах одежды носили. Шведов обходили морем вброд, на плотках, по льду под Выборг шли и привели врагов в конфузию. Товарищи наши гибли от морозов в суровой Финляндии. Но на чужой земле мы не чужую землю искали. Пошто она нам? Мы возвращали наследие отцов наших, которое шведы неправильно присвоили себе. Воинским делом мы от тьмы к свету, сиречь к морю, вышли. Честь и славу приобрели. Друзья мои, неужто ж уступим мы шведам на море?

— Не уступим! — дружно неслось в ответ. — На суше били, побьем и на море!

В два часа дня взвился красный флаг, раздался пушечный выстрел — сигнал к бою. Галеры пошли в атаку.

Они плыли тремя колоннами, охватывая шведскую эскадру кольцом.

Весла пенили воду.

Впереди неслись одиннадцать галер под начальством капитана Змаевича.

Эреншильд с легкой усмешкой рассматривал в подзорную трубу движение флотилии.

Он был спокоен. Он верил в могущество своих кораблей.

— Шведам ли бояться московских мужиков! — сказал он окружавшим его офицерам. — Мы легко отобьем их первый приступ. Каждая наша пушка может потопить галеру одним выстрелом. А когда они повернут назад, подоспеет наш славный адмирал Ватранг...

Подойдя на пушечный выстрел, галеры открыли стрельбу из своих маленьких пушек. Но пальба была редкая. У русских было всего двадцать две пушки.

Шведы, подпустив галеры ближе, ответили непрерывным огнем из всех своих девяноста орудий.

Гром артиллерийской пальбы был слышен далеко в Финляндии. Порой она прерывалась частой ружейной

Битва при Гангуте. Старинная гравюра.

трескотней. Море застлалось дымом. Когда он немного рассеялся, Петр, внимательно наблюдавший за ходом боя, увидел, что передовые галеры отходили. От некоторых лодок остались лишь куски досок и весел, плававшие по волнам.

Среди них барахтались люди.

Петр закричал, размахивая руками:

— Сыны отечества! Вперед! Вперед!

Матросы и солдаты переглянулись, расслышав среди пальбы знакомый голос Петра. Он как бы вернул всем бодрость и уверенность.

Гребцы схватились за весла и налегли на них. Галеры повернули и среди фонтанов воды от падающих ядер снова пошли на приступ. Сзади их подпирали другие лодки.

Но ураганным огнем своих мощных орудий шведы отбили и эту атаку.

Тогда Петр вытащил шпагу и крикнул:

— Ребята, за мной! Не посраим русской славы!

В третий раз взвился красный флаг.

Галера Петра рванулась вперед.

Теснясь в узком пространстве между островками, галеры стремительно ринулись на новый штурм.

Петр плыл впереди. Все хорошо видели его огромную фигуру.

Несмотря на сосредоточенный ружейный и пушечный огонь шведов, он упорно пробивался к их главному фрегату, на котором развевался контрадмиральский флаг.

С дружным могучим «ура» гребцы наваливались на весла. Вот они вынесли галеры вплотную к шведским кораблям.

Трудно было с малых лодок итти на abordаж высокобортных судов. Железные крючья не доставали до края палуб и скользили по бортам. Русские солдаты применили abordажные помосты.

Первому удалось сцепиться со шведским судном бригаиру Волкову.

Он перекинул абордажный помост на борт вражеского корабля и с криком «Ура! За мной!» бросился на неприятеля. Шведский капитан кинулся на него с кортиком. Ударом тесака Волков отбил направленный в грудь клинок, но шведский матрос, стоявший позади капитана, выстрелил.

Волков упал на руки своих солдат. Разъяренные смертью своего командира, они, цепляясь за снасти и абордажные сети, висевшие вдоль борта, полезли наверх.

Столпившись на одной стороне, они рисковали опрокинуть галеру. Она уже зачерпнула воды. Но ничто не останавливало храбрецов, охваченных одним порывом: поскорее сразиться с врагом.

Шведы стреляли из пушек и ружей в упор. Они не успевали заряжать их. Сбрасывали русских в воду штыками. Но солдаты и матросы упорно лезли на высокие корабли. Не боялись смерти ни от огня, ни от штыка, ни от воды.

Петр, казалось, был всюду. Он старался разъединить шведские суда и брать приступом каждое из них в отдельности.

То там, то здесь раздавался его громовой подбадривающий голос:

— Вперед, ребята, не робеть!

Большинство галер окружило шведский флагманский фрегат «Элефант». Недаром по-русски он назывался «Слон». Рядом с ним галеры казались совсем маленькими лодчонками.

Солдаты облепляли борт со всех сторон.

Шведы защищались с отчаянным упорством. Они отрубали топорами абордажные шесты, сбрасывали помосты, но взамен протягивались другие. Ядрами, пулями и штыками опрокидывали взбирающихся по борту солдат, но на смену им спешили все новые и новые.

В это время в носовой части фрегата вспыхнул пожар. Подоженная греческим огнем нападавших, палуба вспыхнула. Это отвлекло шведов.

Капитану Змаевичу с двумя десятками солдат удалось с кормы ворваться на корабль. Проколов шпагой преградившего ему дорогу боцмана, с криком «ура» он побежал вперед. За ним, размахивая ружьями, бросились солдаты. На палубу карабкались новые. Битва перешла в рукопашную схватку.

Как ни сопротивлялись шведы, русские одолевали. Оттесненный с остатками команды к левому борту, Эреншильд был ранен, но еще продолжал отбиваться. Русский солдат ударил его прикладом. Он упал в абордажную сетку и, запутавшись в ней, не мог выбраться и был взят в плен.

Юстус Коппелиус пытался бежать. Но со всех сторон стремились распаленные упорным сопротивлением шведов русские солдаты и матросы.

Боясь, что его убьют, шпион, цепляясь за веревки, полез на мачту.

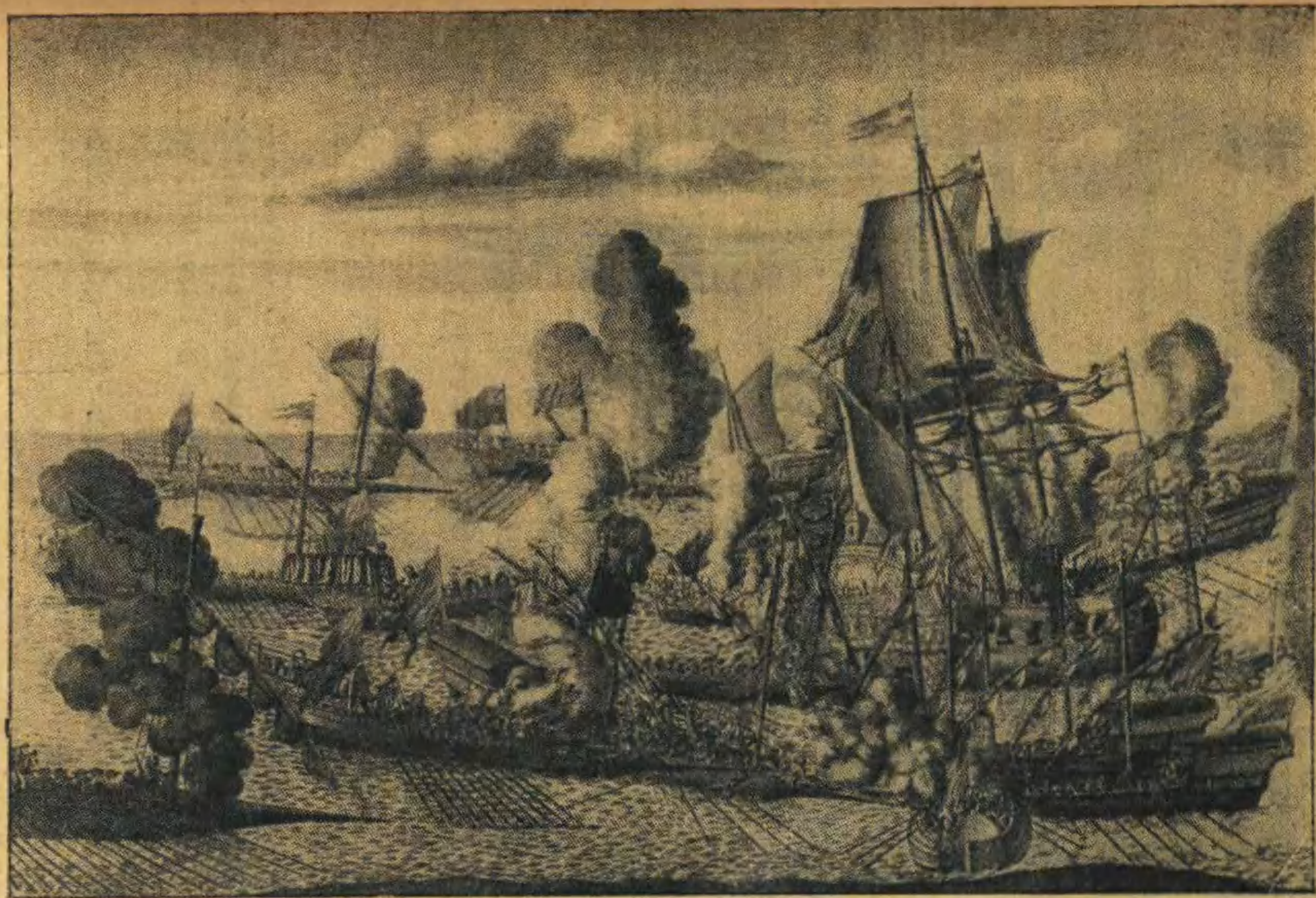
Змаевич заметил бегство человека в голландском платье и бросился в погоню. С тесаком в зубах он стал взбираться на мачту.

Сверху открывалась широкая панорама морского боя.

Русские, сцепившись со шведскими судами, дрались с возраставшей отвагой. Уже никто не управлял боем. Галеры, затерянные в пороховом дыму, сражались самоустоятельно. С высоких бортов кораблей то и дело срывались и падали в воду люди.

Шпион поднимался все выше. Ему стало ясно, что русские побеждают.

Шведские суда, одно за другим, спускали флаги. На фрегате «Элефант» солдаты уже подняли русский флаг. Шведский, разорванный в клочья, валялся на палубе. С отчаянием Коппелиус оглядывался кругом, но спасения не было.

Бой русских галер с фрегатом «Элефант». Старинная гравюра.

Взглянув вниз, он заметил за собой погоню и, дрожа от страха, полез еще выше.

Он увидел за мысом эскадру Ватранга. Она беспомощно стояла на месте. Паруса свешивались с рей, как большие мокрые тряпки. Эскадра не могла притти на помощь: ветра все еще не было.

— Эй! Стой! — кричал Змаевич Коппелиусу.

Шпион обернулся. Увидев его лицо, капитан на минуту онемел от изумления.

— Юстус! — наконец закричал он, уцепившись за снасть. — Эй, Юстус! Не бойся!

Но Коппелиус бросил на него взгляд, полный ужаса, и, оторвавшись от мачты, стремглав полетел вниз. Он думал упасть в море, чтобы, пользуясь суматохой, доплыть до ближайшего острова и уйти. Но не рассчитал прыжка.

К горящему шведскому фрегату в это время подходила галера Петра. Коппелиус упал в воду. Его вытащили. Когда он раскрыл глаза, то увидел возле себя Ягужинского и Петра.

— Это есть изменник отечества, мастер Санкт-Петербургской верфи, — сказал Ягужинский.

Петр нахмурился.

— Повесить после боя, — резко проронил он и отвернулся.

Коппелиуса пока отнесли в шхербот. Здесь уже сидело много раненых и пленных шведов.

Эскадра Эреншильда потеряла в бою три четверти своего людского состава.

К Петру привели Эреншильда. Он обнял его и, поцеловав, сказал:

— Я счастлив, одержав победу над столь славным учителем.

И велел перевязать ему раны. Он был доволен. В войну со шведами брал он в плен генералов и даже фельдмаршалов, но адмирал попался ему впервые.

Сигнальные рожки на галерах трубили отбой.

Солдаты тушили на шведском фрегате пожар. Когда он был потушен, Петр приказал флотилии скорее выбираться из залива, чтобы не оказаться запертым судами Ватранга.

Адмирал Ватранг, стоявший у мыса, слышал пальбу, но из-за штиля не мог двинуться на выручку своего контрадмирала.

Он ждал до позднего вечера известий. Их не было. Пальба, доносившаяся из залива, утихла.

Наконец, уже за полночь, к фрегату «Бремен» подплыла рыбацья лодка. В ней сидели три шведа, случайно спасшиеся от русского плена. Они привезли весть о разгроме эскадры и о пленении Эреншильда.

КОНЕЦ ПОХОДА

Выбравшись из бухты, русские уже не застали Ватранга у мыса. Боясь нападения, он ушел при первом ветре, укрывшись темнотой, к Аландским островам.

Петр написал в столицу:

«Объявляем всем, что, ко многим победам на земле, ныне и на море России слава есть... И с этой, никогда у нас не бывшею победой вас поздравляю».

В эти дни стокгольмские газеты сообщали, что русский флот совершенно разбит и Петру едва удалось спастись.

В Европе были убеждены, что попытка галер прорваться через сильный шведский флот мимо Гангутского мыса окончится весьма плачевно. Но адмирал Ватранг не сумел задержать русских.

Победа гребных судов над кораблями Швеции была полной неожиданностью. Путь к Або и к Аландским островам был открыт.

Петр вернулся в Ревель, к парусному флоту.

Перед отъездом, напутствуя генерал-адмирала Апраксина, он сказал:

— Федор Матвееч! Надо неприятелю далее досаждать. Иди немедля в Або. Удобней места нет, а оттуда путь держи к Аланду. Там поблизости шведская земля. Садись на нее и укореняйся по возможности, пока король Карл не согласится на мир. А жителей не притесняй и увещивай всячески, что не мы за войну стоим, а король их.

Галерная флотилия двинулась к Або.

Дойдя до него, она остановилась на отдых. Потом двинулась дальше, к Аландским островам.

Ватранг отступил к Стокгольму, прикрыв флотом объятую ужасом столицу Швеции.

СЛАВА ОТЕЧЕСТВА

В сентябре 1714 года русская корабельная эскадра возвращалась в Петербург.

Впереди шла «Полтава» и пять галер, разукрашенных флагами, коврами и отбитыми шведскими знаменами.

Сзади плыли плененные суда во главе с «Элефантом».

Под пушечную и ружейную пальбу эскадра вступила в Неву.

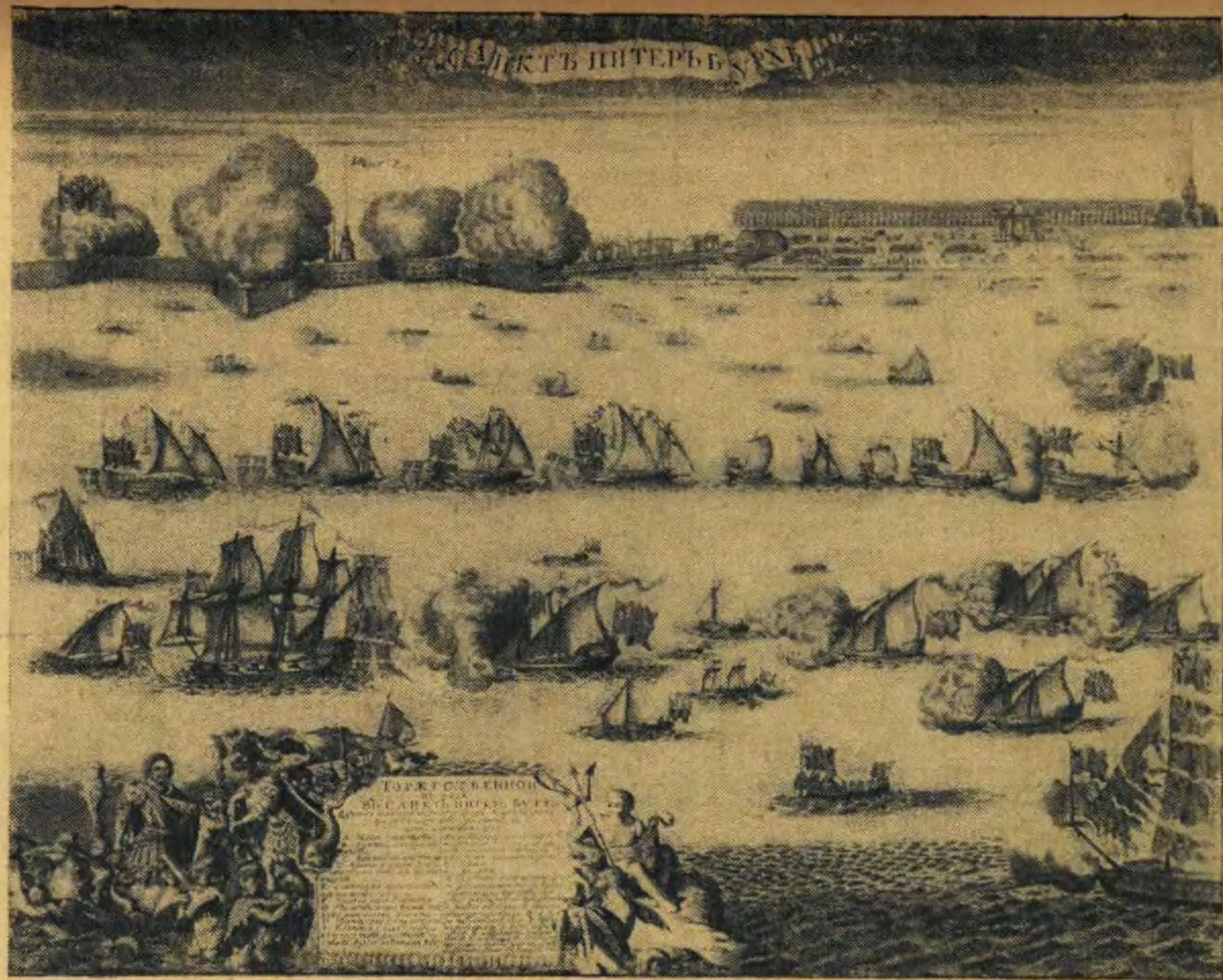
Набережные были полны народу и войск. С берегов навстречу проплывающим галерам катилось радостное «ура». Народ приветствовал своих славных сынов, победивших шведов на море.

«Полтава» подошла к Адмиралтейству.

На украшенной флагами пристани была сооружена триумфальная арка. На пристани толпились сановники и высшие чины Адмиралтейства.

Петр сошел на берег.

В толпе он заметил секретаря адмиралтейской коллегии и с улыбкой подошел к нему.

Торжественное возвращение эскадры Петра с пленными шведскими судами в Петербург. Старинная гравюра.

— Ну, Иван Петрович, надеюсь, что к повышению меня в вице-адмиральский чин ты мне препятствий чинить теперь не будешь?

Секретарь смутился и ответил:

— Зачем помните обиду? Закон подобен матери, у коей все дети равны. Посему его охранять надо.

Петр обнял его.

— Обиды не таю. А ты есть мой строгий судья и первый друг.

Снова загрохотали пушки, раздались ликующие звуки труб, литавр и барабанов. К пристани подходил шведский фрегат.

Галеры одна за другой приставали к берегу. Победители высаживались, строились в колонны и через триумфальную арку шли в город.

Петр поспешил в сенат.

Князь-кесарь Ромодановский встретил его словами:

— Здравствуй, вице-адмирал!

Сняв треуголку, Петр подал ему рапорт о гангутской победе.

Тут все сенаторы встали и трижды прокричали:

— Виват, виват, отец отечества, Петр Великий!

Петр поблагодарил за повышение в морском звании и пригласил сенаторов на пир.

На пиршестве по правую руку царя сидел Эреншильд, а по левую — капитан Змаевич.

Подняв заздравную чашу, Петр провозгласил первый тост.

— Друзья мои! За здоровье учителей наших! — сказал он, указывая на Эреншильда. — Вот вы видите здесь храброго воина, который заслуживает милость нашу и уважение.

Контрадмирал Эреншильд отвечал:

— Я не берег себя от смерти, но миновал ее. Однако я утешен тем, что побежден столь славным адмиралом.

Петр на берегу Невы. С картины В. Серова.

Гул одобрения встретил слова знаменитого шведа.

Петр чокнулся с ним и продолжал:

— А еще слава мужеству воинов наших! Гангутская виктория¹, нами одержанная, сему доказательством служит. Хотя неприятель несравненную артиллерию имел, однакож после жестокого сопротивления сперва их суда, одно по одному, а потом и фрегат флаги опустили.

«Однакож они так крепко оборонялись, что ни единое судно без abordaja не сдалось.

«Воистину: нельзя описать мужество наших, как начальников, так и рядовых.

«Друзья мои! Есть ли кто-нибудь из вас такой, кому хотя бы во сне снилось, что он будет побеждать неприятелей на кораблях, устроенных нашими руками?

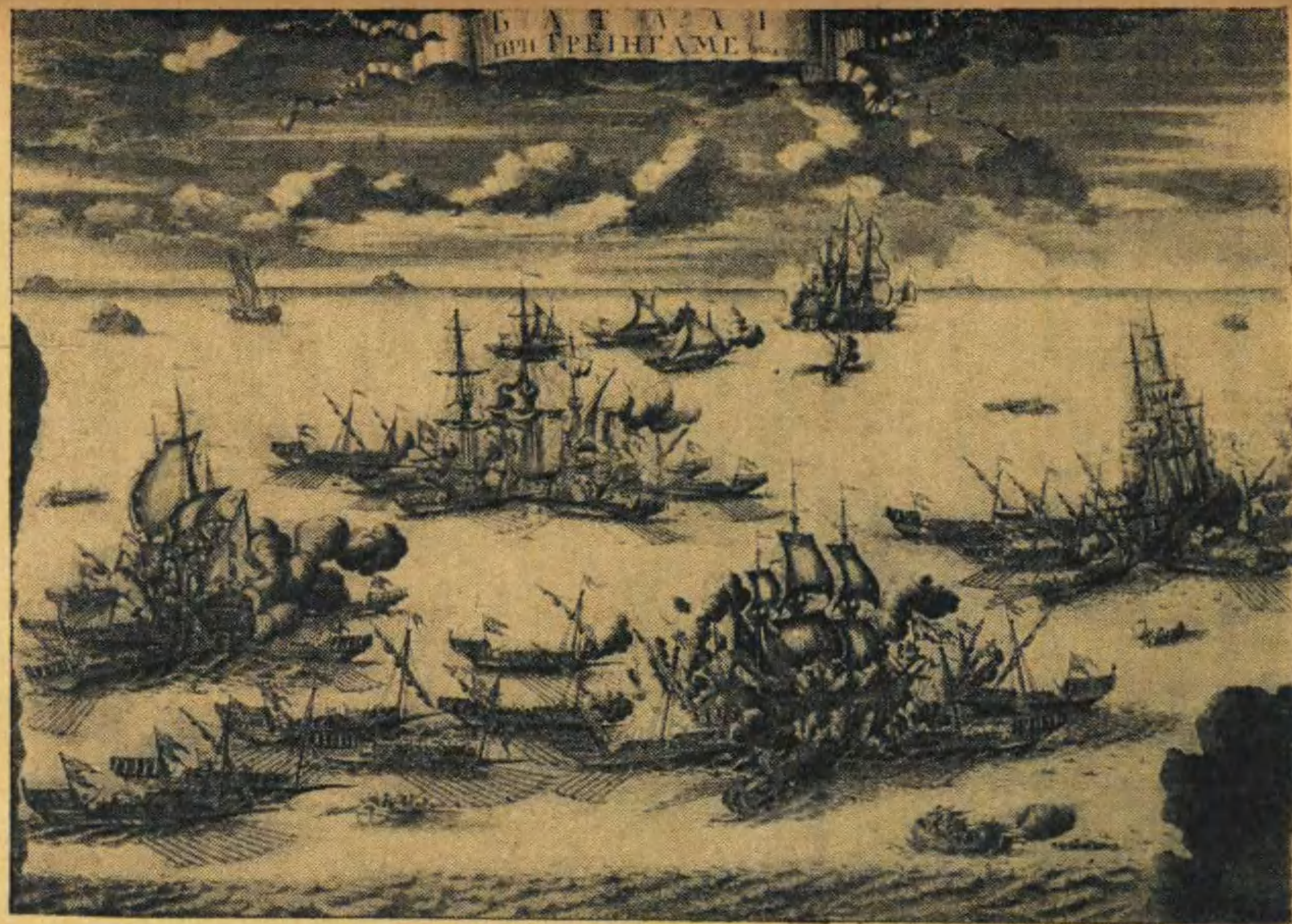
«А думал ли кто раньше видеть здесь столь победоносных солдат и матросов русских и таких сынов, кои побывали в чужих странах и возвратились домой столь смысленными?

«Думал ли кто, что мы будем в почтении у всех соседей наших?

«В древности науки имели дом в Греции, а оттуда разлились по всему свету. Только мы остались в прежних потемках, наравне с азиатцами. А ныне и наш черед пришел. Ежели трудиться честно и старательно, то мы скоро никому ни в чем не только не уступим, но, может быть, братцы мои, пристыдим другие образованные страны и вознесем на высшую ступень славу русского имени.

«Предвижу, любезные друзья мои, придет то время, когда отечество наше сравняется с самыми просвещенными народами и превзойдет их успехами в науках, неутомимостью в трудах и величием громкой и заслуженной славы.

¹ Виктория — победа.

Битва при Гренгаме. Старинная гравюра.

Все сидевшие дружно рукоплескали этим словам и ликовали.

Заиграла потайная механическая музыка. За окнами затрещали ракеты и потешные огни.

Петр, покинув пир, обходил площадь, где всю ночь тоже шло торжество.

Повсюду были расставлены бочки с вином и пивом. Петр брал ковш и пил за здоровье народа, поздравлял всех моряков и солдат с победой, вместе со всеми плясал и пел песни.

Россия праздновала первую победу своего молодого флота.

Через год у острова Гренгам флот Петра снова победил шведов в морском бою.

Россия стала морской державой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Адмиралтейская верфь	3
Шаутбенахт Петр Михайлов	7
Русский флот	10
В поход!	13
Путь прегражден	14
Капитан Вильям Бредаль	17
Тревожные вести	19
В шторм	24
Генеральный совет	27
У переката	31
Шпион	32
Маневр Петра	36
Враг в ловушке	40
В заливе Рилакс-фиорд	44
Битва	47
Конец похода	55
Слава отечества	56

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА

Ответ. редактор Н. Максимова
Худож. редактор П. Суворов
Технич. редактор М. Кутузова
Корректоры С. Либова и
А. Сапелкина

Сдано в производство 23/II 1939 г.
Подписано к печати 26/IV 1939 г.
Детиздат № 2180. Индекс Д-6.
Формат 84 × 108¹/₃₂, 4 печ. л.
(3,08 уч.-авт. л.). 1 бум. л.
115.200 зн. в бум. л.

Тираж 100 000 экз. (1 — 50 тыс.).
Уполномочен. Главлита А-9691.
Заказ № 377.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ,
Москва, Сушеvский вал, 49.

Сент. 1969

34259

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ЦЕНА 85 КОП.

